

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ

В. Н. Автократов

Архивоведение было и останется прикладной дисциплиной. Но оно обладает и собственной теоретической частью, значение и сложность которой возрастают на современном этапе развития общества. Между тем VII Международный конгресс архивов (Москва, 1972 г.) показал, что не во всех странах придается одинаковое значение развитию теории архивоведения. В буржуазной архивистике, уделяющей серьезное внимание внедрению технических средств в работу архивов, в целом проявляется довольно безразличное отношение к вопросам теории, а в некоторых случаях вообще отвергается ее роль как необходимого этапа, предшествующего конкретно-архивоведческим разработкам. За этим стоит не только преувеличение важности профессионального опыта и специфической интуиции архивиста (их значение отрицать, конечно, нельзя), но и стремление избежать широких научных обобщений, свойственное в первую очередь современной буржуазной историографии и накладывающее отпечаток эмпиризма на архивистику.

Советское архивоведение занимает принципиально иную позицию. Его современное развитие — это прежде всего поступательное движение теории, которой органически присущи особые формы историзма. Своеобразие архивоведения заключается в том, что, будучи дисциплиной документной по объекту изучения и информационной по характеру решаемых задач, оно исторично по своей методологической природе (а не потому, что обслуживает определенную стадию работы историков-исследователей).

Однако предметом специального рассмотрения теоретическая проблематика архивоведения стала не сразу. В середине 20-х годов большую роль сыграла «терминологическая дискуссия», являвшаяся, по существу, обсуждением исходных архивоведческих понятий и наиболее полно отраженная в материалах I съезда архивных деятелей РСФСР¹. Результаты обсуждения явились теоретическим заделом, на котором основывалось архивоведение в 30—50-е годы, когда определились разделы, соответствующие главным задачам работы архивистов: комплектование государственных архивов, экспертиза ценности документов, их описание, фондирование, систематизация и учет. Однако в целом для этого периода характерны прежде всего поиски методических решений, разработка инструкций и правил, их совершенствование и комментирование, хотя в ряде работ присутствовали и необходимые теоретические послылки и заключения².

¹ «Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР». М.-Л. 1926.

² Б. Анфилов. Пересмотр состава государственных архивов. «Архивное дело», 1935, № 2; Н. Фомин. К вопросу об описании архивных материалов. Там же, 1935, № 4; 1936, №№ 1, 3; его же. Систематизация архивных материалов. Там же, 1937, №№ 2, 3; В. Алексеев. Определение фондообразователей. Там же, 1937, № 3; И. Колесников. Столбцы. (К методике работ по систематизации и описанию.) Там же, 1939, № 2; И. С. Назин. К вопросу об экспертизе документальных материалов в госу-

С конца 50-х годов начался новый, продолжающийся и сейчас, период советского архивоведения, которому свойственно обобщение предшествующей работы, а также стремление к переосмыслению, овладению современными межнаучными исследовательскими подходами (системным, функциональным и др.), освоению достижений новых информационных наук. Содержательная дискуссия по вопросам комплектования государственных архивов четко выявила взаимосвязь этой проблематики с вопросами источниковедения³. Все это сделало необходимым усиление теоретической работы и имело одним из итогов то, что некоторые разделы архивоведения достигли уровня частных архивоведческих теорий: теория экспертизы ценности документов, теория фондирования, теория информационного поиска и др.⁴. Однако в прошедшей научной полемике были высказаны и утверждения, не учитывающие колоссальные объемы современной документации, ежегодно образующейся в обществе⁵. В те же годы обнаружилось серьезное противоречие понятийного порядка. Оказалось, что частные архивоведческие теории не всегда развиваются на единой, общей для всего архивоведения основе. Это в первую очередь можно объяснить отсутствием систематически изложенной общей теории архивоведения, рассматривающей основополагающие понятия и принципы этой дисциплины в их неразрывной взаимосвязи. Попытка в самом общем виде изложить такую теорию предпринимается в настоящей статье.

Уже первое приближение к понятийному аппарату архивоведения обнаруживает группу понятий и принципов, тесно связанных с категорией фонда и образующих в совокупности специфические «фондовые представления», свойственные общей теории архивоведения, его конкретным методам и придающие ему концептуальное единство. Это позволяет сделать вывод, что исходным началом общей теории архивоведения является категория «фонд». При этом автор учитывает не только исключительное методико-прикладное значение, которое приобрела в архивоведении эта категория, но и то, что в теоретико-познавательном отношении проблема исходного научного понятия, каким является категория «фонд», приобретает фундаментальный характер.

Что включает в себе категория «фонд»? Объективна ли ее природа или перед нами просто некоторое орудие методической и практической работы с документами, в которое допустимо вкладывать то или иное содержание, сообразно так или иначе понимаемой «пользе дела»? Если понятие «фонд» отражает некоторую объективную реальность (а именно такой точки зрения придерживается автор статьи), то перед нами действительно возникает возможность исследовать на его основе

дарственных и ведомственных архивах СССР. «Труды» МГИАИ. Т. 4. 1948; Л. Л. Смоктуневич. Из опыта научно-технической обработки картографических материалов. «Исторический архив», 1955, № 5, и др.

³ А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах экспертизы ценности документальных материалов советских государственных учреждений. «Исторический архив», 1958, № 2; К. Г. Митяев. О принципах и критериях научной экспертизы ценности документальных материалов и их применении. Там же, 1958, № 3; М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества. «Вопросы истории», 1965, № 1; М. С. Селезнев, М. Н. Черноморский. Вопросы создания источниковедческой базы по истории советского общества. Там же, 1965, № 9; К. И. Рудельсон. Назревшие вопросы теории и практики архивного дела. Там же, 1965, № 12; А. Д. Степанский. О теоретических основах отбора документальных материалов на государственное хранение. «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР». Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР. М. 1965; А. В. Елпатьевский, Т. Г. Коленкина, В. В. Цаплин. Комплектование документальными материалами советских государственных архивов. «Советские архивы», 1970, № 1, и др.

⁴ Вместе с тем из архивоведения вычленились разделы, изучающие специфическую кинофотофонодокументацию, которые лишь по традиции продолжают считаться его составной частью. В настоящей работе они не рассматриваются.

⁵ См., например, М. С. Селезнев, М. Н. Черноморский. Указ. соч., и др.

взаимообусловленную систему научного знания. Если же оно такой объективности не отражает, то понятие «фонд» может приобрести черты формальной функции мышления, создающей опасность стать на путь субъективных суждений. Именно в рамках этой альтернативы заложен корень самых существенных противоречий современного архивоведения. С нашей точки зрения, второй из названных подходов, отрицающий объективную реальность, стоящую за категорией «фонд», и апеллирующий непосредственно к нормативно введенным определениям и практике фондирования документов, неправилен.

Понятие «фонд» возникло в XIX в., когда во всех областях науки вместо аналитических форм рассмотрения и классификации объектов исследования появились тенденции их аналитико-синтетического изучения и возросло понимание системообразующих факторов. Начальное архивоведческое понятие возникло в рамках некоторого «простого отношения», констатирующего наличие необходимой и однозначной связи между сферой документообразования и архивным хранением документов и требовавшего сохранять в архивах генетически сложившиеся документные общности в том порядке, в каком они отложились в делопроизводствах учреждений. Его простота подчеркивалась тем, что решение в данном случае лежало на самой поверхности явлений. Другое дело, что ученые-архивоведы всех стран долгое время упорно отвергали его ценность, полагая, что научная архивная классификация заключается в распределении документов по формально логическим схемам — тематическим или видовым. Такие классификации называются коллекционными, они неизбежно обуславливают разрушение исторических общностей документов с их информационными связями.

«Простое отношение» приняло тогда же форму научного правила, названного немецкими архивистами «провениенцпринцип» (принцип происхождения), сводившийся к сохранению в архивах генетических общностей документов в том виде, в каком они сложились в деятельности соответствующих учреждений. Тем самым «провениенцпринцип» запрещал раздроблять эти общности и создавать коллекции документов. Но структура «простого отношения» требовала выделения из него научного суждения о самой генетической общности, которую впредь запрещалось раздроблять. Немецкие архивисты назвали ее «бештанд» (сущность, устойчивость). В русской архивоведческой литературе укрепилось французское «фонд» (сущность, основа), что не означает, однако, полной тождественности наших представлений о «фонде» французскому пониманию данного термина, так же как «провениенцпринцип» XIX в. неидентичен современному принципу происхождения.

В разных странах этот принцип внедрялся в разных формах, по-разному интерпретировалось понятие «фонд». В нашей стране начальное «простое отношение» получило значение установочного научного подхода в 1918 г., в процессе работы архивистов и историков над проектом декрета о реорганизации и централизации архивного дела. «Долго и страстно, — писал один из участников архивной реформы, А. С. Николаев, — дебатировался вопрос о двух принципах, которые возможно положить в основу будущего архивного строительства — историческом (ведомственное происхождение архивных фондов) и логическом». Под логическим принципом подразумевалась тематическая классификация материалов, создание искусственных группировок типа коллекций, и он был отвергнут. В основу были приняты «отдельные архивные фонды, органически сложившиеся в определенной исторической обстановке, причем твердо установился взгляд, что такой внутренне цельный и единый по своему существу архивный фонд ни в коем случае нельзя дробить»⁶.

⁶ А. С. Николаев. Главное управление архивным делом. «Исторический архив», кн. 1, 1919, стр. 3—4. Конечно, сказанное не означает, что только в 1918 г. русские архивисты узнали, что такое «фонд». Этот термин употреблялся в русской архивоведческой

Соответствующая дефиниция — так называемая «московская формула» — была найдена в результате настойчивых поисков группы архивистов (Б. И. Анфилов, И. А. Голубцов и др.) в 1925 г.: «Архивным фондом учреждения или лица называется вся совокупность архивного материала, органически отложившаяся в процессе деятельности этого учреждения или лица». Раскрывая смысл этого определения, Б. И. Анфилов говорил, что в его основе «лежит производственный принцип — процесс деятельности, который, с одной стороны, образует определенные материалы, а с другой стороны, притягивает к ним другие материалы. Этот процесс деятельности и является той осью, тем основным стержнем, вокруг которого группируется архивный фонд» официального происхождения или частного лица. Материалы фонда, подчеркивал Б. И. Анфилов, органически спаяны с процессом деятельности⁷. Здесь схвачена и в терминах своего времени объяснена суть фондообразования. «Московская формула» повысила уровень архивоведения, обеспечила расширение его понятийного аппарата и закрепление в нем позиций историзма. Понятие «фонд» стало центральным логическим компонентом теории архивоведения, одной из тех категорий, которые «специализируют» соответствующую область науки.

Несмотря на отдельные видоизменения, «московская формула» оставалась в основе неизменной до 1960-х годов, когда были предприняты попытки пересмотра понятийного аппарата архивоведения, имевшие скорее внешний, нежели содержательный успех⁸. Тогда же они вызвали отрицательную реакцию⁹. Данная работа не ставит задачу рассмотрения этих попыток, но критику самого их существа необходимо продолжить.

Анализ всякого понятия требует выделения признаков всеобщего и существенного в отображаемых им предметах. В понятии «фонд» заключаются признаки «совокупности документов» и «единства их происхождения». Данные признаки — элементы понятий, и между ними, согласно логике научного познания, должна существовать законообразная связь. Речь идет о таком феномене деятельности аппаратов управления, как фондообразование, которое нужно рассматривать в свете причинно-следственных отношений как информационный момент «переноса структуры» от причины к следствию¹⁰.

«Причиной» в данном случае является функционирование управленческого аппарата, связанное с документированием его действий, а «следствием» — образование органически целостного фонда документной информации. И если в архивоведении «следствием» является «фонд», то «причиной» естественно признать «фондообразователь» — понятие, парное «фонду», характеризующееся такими существенными и всеобщими признаками, как «документирование деятельности» и «фондовое накопление соответствующей документной информации». Нерасторжимость парной абстракции «фондообразователь — фонд» является основой архивоведческого познания. Она не сводится к сумме признаков разных управляющих систем и создающихся ими фондов. Известно, что управляющими системами архивоведение называет не только собственно административные аппараты, но и другие управленческие организмы. Си-

литературе уже на рубеже XIX—XX вв., однако ему не соответствовал точный смысл и он не рассматривался как нечто обязательное и необходимое.

⁷ «Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР», стр. 253.

⁸ «Материалы для архивного словаря». Вып. I. М. 1963; Л. И. Солодовников, В. В. Цаплин. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования. «Вопросы архивоведения», 1964, № 4, и др.

⁹ К. И. Рудельсон. Указ. соч.; М. Ф. Петровская. Определение архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов. «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР». Т. I. М. 1965, и др.

¹⁰ И. В. Кузнецов. Категория причинности и ее познавательное значение. «Теория познания и современная наука». М. 1967.

стемами считаются также и семьи, образующие «семейные (фамильные) фонды», и группы родственных семей, создающие «родовые фонды». Все они «фондообразователи».

В показанном свойстве отношений фондообразователя и фонда обнаруживается определенная качественная необходимость, научная сущность которой может быть выражена как закон фондообразования: всякая организованная деятельность конкретной управленческой общественной системы вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего структуру и содержание ее функциональных связей. В этой формулировке действует общий принцип «органической направленности», выражающийся в процессе структурообразования, то есть в процессе складывания внутрисистемных, внутрифондовых отношений. Следовательно, фонд рождается со своей внутренней органичностью, заданной особенностями фондообразователя, а фондообразованию присущи черты естественноисторического процесса.

Информация фонда является документным отражением причинно-следственных отношений. Обнаруживая объективную связь запечатленных исторических реалий, она способна выступать в качестве связи прошлого с настоящим, иначе говоря, служить источником наших знаний о прошлом. Методология исторической науки интерпретирует всякий исторический источник как своеобразную и существующую вне нас форму отражения объективного исторического прошлого¹¹. Фонд должен рассматриваться как сложный, но генетически и структурно целостный исторический источник, особенность которого заключается в том, что он отражает прошлое сквозь призму информационных связей конкретного фондообразователя, а сами эти связи между запечатленными фактами, событиями и другими историческими реалиями даны в нем в том «готовом виде», в котором они заложены фондообразователем. Здесь система этих реалий выражается как «естественноисторическая данность», и отсюда требование сохранять ее единство. Раздробление фонда нарушает социальную связь данности, вынуждает историка выполнять дополнительную трудоемкую работу по ее реконструированию. Последнее даже в гипотетической форме возможно далеко не всегда. Другой вопрос — научная интерпретация отражения исторических реалий в фонде, установление конкретного исторического характера причины и источниковедческой природы документированного «следствия». Это главным образом дело историка-исследователя. Архивоведение же нацеливается на проблему фондообразования в том общем виде, которым историческая наука не занимается.

Интересен и важен не только факт законообразной связи причины и следствия в фондообразовании. В настоящее время в архивоведении большое значение приобрела проблема информационного потенциала фонда. Архивисты явственно ощущают, что информационные потенциалы разных фондов существенно неравны, но обоснование принимаемых ими решений (при комплектовании государственных архивов, экспертизе ценности документов, создании поискового аппарата др.) не всегда достаточно. По-видимому, именно в рамках общей теории необходимо исследовать исходные моменты этой неразработанной проблемы, начиная с вопроса: что же такое, собственно говоря, «информационный потенциал фонда» и как он складывается?

Информационный потенциал фонда в первую очередь должен пониматься как его информационное разнообразие (богатство), которое находится в прямой зависимости от роли фондообразователя в системе общественного управления, от его места на иерархической лестнице этого управления. Безусловно, эта общая посылка допускает много откло-

¹¹ Г. М. Иванов. К вопросу о своеобразии исторического познания. «Труды» Томского госуниверситета. Т. 166. 1963, стр. 13—14.

нений¹², но они не могут поколебать ее справедливости. В самом деле, чем выше «ранг» фондообразователя, тем большее количество функций он выполняет и тем шире его компетенция. Отсюда возрастание количества получаемой, перерабатываемой и создаваемой им документной информации, откладываемой в его фонде. Иначе говоря, чем более информировано учреждение, тем шире диапазон исторических реалий, отражаемых фондом. Однако было бы ошибкой информационное богатство фонда непосредственно выводить из числа функций фондообразователя и объема накопленных документов. Можно предположить, что информационный потенциал является результатом взаимодействий данного фондообразователя с другими управляющими системами и взаимодействий между его собственными подсистемами. Высокая насыщенность процесса управления такими связями, слияниями потоков информации повышает информационный потенциал фонда. И, наоборот, ограничение информационных связей, сужение фронта информационного процесса снижают богатство и разнообразие фонда¹³. Информационный потенциал снижается и в том случае, если делопроизводство поставлено нечетко и управленческие действия документировались недостаточно полно. Такие фонды неспособны дать ответ на те вопросы, которые могли бы быть поставлены перед ними, исходя из характера задач фондообразователей. Это подразумевает необходимость конкретно-архивоведческого анализа подобных ситуаций.

Другая сторона вопроса заключается в том, что информационный потенциал фонда, по-видимому, всегда больше суммы информации документов, составляющих данный фонд. Это следует из основополагающей идеи общей теории систем — «целое всегда больше суммы своих частей»¹⁴. Задача историка-исследователя — уловить качественную закономерность образования данного фонда, использовать интегрирующий эффект информационного взаимодействия его частей. Задача архивиста — уловить ту же закономерность, способствовать проявлению этого эффекта, поддерживая целостность фонда и развивая поисковый аппарат к нему. Несводимость целого к его частям справедлива, как известно, только по отношению к объектам, обладающим свойствами органической целостности. Она не распространяется поэтому на коллекции документов, являющиеся объединениями фрагментов раздробленных фондов. Информационный потенциал коллекции не может быть выше суммы своих частей.

Из сказанного выше о фонде, его потенциале и законе фондообразования можно заключить, что следование этому закону является в конечном счете важнейшим условием эффективного функционирования архивной информационной среды, складывающейся из хранящихся в архивах документов и поискового аппарата к ним¹⁵. Но из этого вытекает и другой аспект, расширяющий наши представления о потенциале фонда: информационные возможности фонда повышаются с развитием справочно-

¹² Иногда учреждениям высокого ранга задаются узкие профили деятельности. Их документы становятся важным источником, но преимущественно для ограниченной проблематики.

¹³ Об «информационной значимости» фондов А. В. Елпатьевский говорит: «Количество и объем содержащейся в фонде информации... прямо пропорциональны количеству разнохарактерных вопросов, которые могут быть поставлены к материалам фондов с достаточным для этого основанием, т. е. с потенциальным получением ответа». См. А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. «Археографический ежегодник за 1968 год». М. 1970, стр. 50.

¹⁴ В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М. 1968, стр. 8—9; Э. С. Маркарян. Вопросы системного исследования общества. М. 1972, стр. 6—9 и др.

¹⁵ Подробнее об архивной информационной среде см.: В. Н. Автократов. Архивоведение: методологическая характеристика и типология исследований. «История СССР», 1972, № 4, стр. 37.

го аппарата, раскрывающего его состав и содержание. В данном случае мы имеем дело с «вторичным потенциалом», непосредственно зависящим от того, насколько репрезентативно информационное богатство фонда отражено архивными справочниками. Но разработка проблематики «вторичного потенциала» — задача частной архивоведческой теории информационного поиска, а не теории фонда.

Естественноисторическая природа процесса фондообразования обуславливает два важнейших принципа архивоведения: принцип происхождения (о котором уже говорилось) и принцип недобротности фонда. Принцип происхождения связывает фонд с породившей его документообразующей сферой, в идеальном случае архивный фонд должен строго соответствовать своему фондообразователю и, следовательно, быть четко отграниченным от любого другого фонда. Отсюда же вытекает признание приоритета генетической внутрифондовой структуры над всякого рода последующими (искусственно или стихийно сложившимися) структурами фонда. Однако современная трактовка этой стороны принципа не имеет в виду жесткого копирования исходных структур. Она допускает известную свободу действий архивиста до того момента, пока новая структура сохраняет качество «информационной непротиворечивости» исходной структуры.

Несмотря на то, что архивоведение не пользуется понятием «информационная непротиворечивость», в скрытом виде оно присутствует в нем, и архивная практика в целом успешно решает вопрос о пределах «информационной непротиворечивости» с помощью так называемых признаков систематизации дел (структурно-хронологического, хронологически-структурного и др.). Эти признаки явились результатом многократно повторяющегося опыта варьирования возможных группировок разнохарактерных документов. Следование выработанной методике архивной систематизации, допускающей гибкость решений, обеспечивает достижение упомянутой «информационной непротиворечивости». Это специальные вопросы, также лежащие вне общей теории архивоведения. Однако выяснение содержания понятия «информационная непротиворечивость», — по-видимому, задача самой теории фонда. В первом приближении «информационную непротиворечивость» новой структуры фонда его исходной структуре можно определить таким образом. «Информационная непротиворечивость» — архивоведческая абстракция, отражающая такое вторичное (измененное) состояние структуры фонда, при котором генетические связи между документами продолжают соответствовать естественноисторической природе данного фонда. Разрушать «линии» таких связей нельзя. Это снизит информационный потенциал фонда. Их можно, образно говоря, «выпрямить», «уплотнить» в пределах требований «информационной непротиворечивости»¹⁶.

Рассматривая принцип происхождения, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство. Не всегда структура документационного процесса соответствует тем формам, которые сложились уже после его завершения в канцелярии, или «регистратуре» (термин западноевропейской архивистики). Здесь органическая структура документов может быть существенно деформирована — намеренно или случайно. Важно заметить, что история «провениенципринципа» началась именно с требования сохранять и даже реставрировать ту и только ту форму, которая сложилась в «регистратуре». Ее возможному несовпадению с реальностью документационного процесса значения не придавалось. В этом выражался своеобразный, порой доведенный до крайности и противоречащий архивоведческому историзму протест против господствовавшего прежде коллекционного подхода. Такая установка сказалась в некоторой мере

¹⁶ Такие операции способны прояснить внутрифондовые информационные связи, упростить построение поискового аппарата.

и на взглядах ряда советских архивистов. Поэтому большое значение имела критика ее в советской архивоведческой литературе (начиная с конца 30-х годов)¹⁷. Данному варианту «провениенцпринципа» противопоставлялось требование сломать неправильную внутреннюю организацию фонда, искажающую действительную связь между документами, если это не нарушает единства фонда и способствует лучшему использованию документов.

Эта критика создала глубокое недоверие к принципу происхождения. Он стал комментироваться как идеалистический и порождение буржуазной собственности на архивы, призванный защищать эту собственность. Отсюда возникло утверждение о недопустимости «некритически сохранять» в советских архивах делопроизводственную группировку документов. Считалось доказанным, что этот принцип развенчан и навсегда оставлен за бортом теоретического арсенала архивоведения. Но это не совсем так. Критиковался в нашей литературе вовсе не принцип происхождения как таковой, а лишь его первичная форма, которая в немецкой архивоведческой литературе (как мы уже знаем) характеризуется как «явный регистратурпринцип»¹⁸. Следует подчеркнуть, что все авторы, критиковавшие под видом «провениенцпринципа» «регистратурпринцип», в первую очередь имели в виду его наиболее схоластическую — голландскую интерпретацию XIX в., более всего известную благодаря мастерскому ее изложению И. А. Голубцовым¹⁹.

Именно к «регистратурпринципу» справедливо отнести все основные погрешности, приписываемые некоторыми авторами принципу происхождения в целом. Они не замечали, что на родине принципа происхождения уже длительное время наблюдалось сначала осторожное, а в условиях ГДР весьма существенное переосмысление этого принципа. В 50-е годы здесь был сформулирован «свободный провениенцпринцип», а затем открылась дискуссия, продолженная в начале 70-х годов²⁰. Справедливым явилось замечание Б. Брахмана по поводу характеристики «провениенцпринципа» в рецензии на учебник «Теория и практика архивного дела в СССР» (М. 1966). Он отметил, что характеристика «не учитывает современного уровня литературы... Выдвинутое в учебнике утверждение, переносимое на положения провениенцпринципа требование безусловного сохранения в архиве канцелярского порядка документов даже в тех случаях, когда этот порядок ошибочен, на самом деле не присуще провениенцпринципу. Более того, даже так называемый строгий регистратурпринцип (который здесь отождествляется с провениенцпринципом) уже давно предусматривает в качестве одного из возможных методов внутрифондовой систематизации исправление неправильно сформированных дел»²¹.

Но нужно отметить и другое. Несмотря на декларативные осуждения, в архивной практике принцип происхождения действовал постоянно, никогда не исчезая из мышления архивистов. Права Л. И. Солодовникова, отметившая, что наши архивисты, отвергая этот принцип и считая его чуждым, «по существу, ничего нового не дали и постоянно возвра-

¹⁷ И. Назин, З. Доброва. «Провениенцпринцип» в построении архивного фонда. «Архивное дело», 1937, № 1, и др.

¹⁸ А. Вреннеке. Archivkunde. Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens. Leipzig. 1953.

¹⁹ И. А. Голубцов. Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. «Архивное дело», 1925, вып. II, III—IV.

²⁰ H. O. Meisner. Bemerkungen zur Archiv- und Aktenkunde. «Archivarbeit und Geschichtsforschung». В. 1952; H. O. Meisner, W. Leesch. Grundzüge einer deutschen Archivterminologie. «Archivmitteilungen», 1955, № 4; G. Enders. Probleme des Provenienzprinzip. «Archivar und Historiker». В. 1956; J. Rösler. Zu einigen Fragen der marxistischen Archivwissenschaft. «Archivmitteilungen», 1967, № 6; «Terminologische Probleme der marxistische-leninistische Archivwissenschaft in der DDR». Potsdam. 1970, etc.

²¹ «Archivmitteilungen», 1967, № 2, S. 74.

шались к тому же провениенцпринципу», что «до сих пор наши схемы систематизации представляют из себя комбинации из требований провениенцпринципа и принципа уважения к фонду»²². Л. И. Солодовникова усматривает в этом «яркий пример отрыва теории от практики: развенчивая провениенцпринцип в теории, советские архивисты на практике придерживаются именно его»²³. Но ни к чему другому они и не могли прийти, поскольку этот принцип постулирован самой естественноисторической природой фондообразования. Материалы Брюссельского конгресса архивов (1964 г.) показали, что принцип происхождения не догма, его научное обоснование в предшествующее десятилетие достигло новых успехов²⁴.

Следуя принципу происхождения, архивоведение стремится сохранить информационные связи фонда и тем самым поддерживает его информационный потенциал. На этом основана тесная связь данного принципа с его логическим продолжением — принципом недробимости фонда. Фонд нельзя расчленять, нельзя перемешивать его отдельные компоненты с частями других фондов. Наоборот, требуется разыскивать и соединять разрозненные части фонда в соответствии с их происхождением. Если организационное содержание принципа недробимости заключается в сосредоточении документов фонда в пределах одного архива, то теоретическое — в защите целостности фонда, а следовательно, его информационного потенциала. Таким образом, конечная цель принципа недробимости совпадает с ориентацией принципа происхождения²⁵. Чтобы эта ориентация достигла желаемого результата, необходимо оперировать еще одним понятием, которое мы называем «фондовой чистотой».

Фондовая чистота — отсутствие в фонде чужеродных включений. Очищение фонда от документов другого происхождения составляет предмет постоянной заботы работников архивов. С этим связано возникновение таких широко употребляющихся терминов, как «расфондирование» и «прифондирование». Борьба за фондовую чистоту поддерживает генетическую однородность фонда, направлена на восстановление нарушенного единства: фонд освобождается от случайных включений, которые «прифондируются» к тем фондам, с которыми они исторически связаны. Таким образом, «фондовая чистота» — понятие, вытекающее из принципов происхождения и недробимости фонда и восполняющее их.

Понятие «фонд» имеет антитезу — понятие «архивная коллекция», обозначающее совокупность искусственно подобранных по какому-либо признаку (тематическому, номинальному, авторскому, хронологическому и др.) генетически разнородных документов. Если в XVIII—XIX вв. мысль русских архивистов развивалась именно по пути создания искусственных классификационных схем, то теперь коллекции государственных архивов представляют собой главным образом, но не всегда, реликтовые образования — результаты деятельности частных собирателей или усилий работников старых архивов. Информационный потенциал коллекции, как уже отмечалось, принципиально ниже потенциала фонда²⁶. Но не только этим объясняется отрицательное отношение современного архивоведения к коллекциям: возникают трудности описания вырванных из породившей их среды единиц информации, усложняется их поиск

²² «Уважение к фонду» — французский принцип, соединяющий фондовый и тематический подходы.

²³ Л. И. Солодовникова. Фондирование документальных материалов в государственных архивах. «Материалы Всесоюзного совещания по вопросам фондирования и учета документальных материалов». М. 1963, стр. 13.

²⁴ «Archivum», 1964, vol. XIV, pp. 15, 62, 66, 85—89, etc.

²⁵ Однако из сказанного не следует, что из фонда нельзя извлекать малоинформативные компоненты. Это одна из важнейших задач архивистов.

²⁶ Однако относительная информационная величина коллекций может быть очень высокой: многие коллекции формировались путем выборки наиболее ценных фрагментов фондов.

и учет. Почти всякая архивная работа с фондом намного легче, чем с коллекцией.

Несмотря на то, что коллекция выпадает из собственно фондовых научных представлений, понятие «коллекция» не должно быть исключено из предмета теории фонда не только потому, что противоречие фондового и коллекционного подходов является одним из элементов, составивших существо поступательного развития архивоведческой мысли. Выяснение структуры понятия «коллекция» позволит лучше представить познавательную ценность категории «фонд». Нужно учитывать и другое противоречие, вытекающее из прикладного характера архивоведения, которое и в настоящее время признает эмпирическую правомерность образования в отдельных случаях коллекций²⁷. Это положение требует научного обобщения. Другой вопрос — в каких типических ситуациях целесообразно расфондирование (растасовывание по соответствующим фондам) существующих в архивах коллекций. Подобная практика имеет место, но научно она пока не обоснована: работники архивов делают это даже в примерно одинаковых условиях неоднозначно.

Мы попытались обрисовать основные фондовые представления, которыми можно придать значение ядра общей теории архивоведения. В центре ядра мы видим парную абстракцию ведущих категорий «фондообразователь — фонд», связанную законом фондообразования. Непосредственно к ним восходят понятия «информационный потенциал», принципы происхождения и недробимости фонда. Оба принципа восполняются понятием «фондовая чистота». Однако в полном виде общая теория архивоведения включает также ряд выводных понятий, являющихся одновременно начальными моментами частных архивоведческих теорий.

Еще в 1925 г. А. И. Андреев указал авторам «московской формулы»: «Говорят, что архивный фонд есть отложившийся архив учреждения, тогда как само учреждение не поддается определению»²⁸. Действительно, иногда фондом признавались материалы целого ведомства, всех входящих в него учреждений, в других случаях, наоборот, фондом считали лишь некоторую часть документов учреждения. Налицо была острая необходимость определить, что следует считать отдельным фондообразователем. Такая задача оказалась выполненной, когда удалось обобщить большой объем накопленных наблюдений. Основным признаком фондообразователя была признана организационная обособленность учреждения, а также наличие самостоятельного бюджета, штатного расписания или законодательного акта, определяющего компетенцию и порядок деятельности учреждения²⁹. Так возникло понятие «признаки фондообразователя», впоследствии уточненное и дополненное.

Однако необходимо не просто устанавливать принадлежность документов соответствующим учреждениям, но и сообразовывать процесс фондирования с основными вехами истории учреждений (его преобразованиями, изменениями функций и компетенции, передачами из одного ведомства в другое, слияниями, переименованиями, ликвидациями и иногда восстановлениями). Следовать при фондировании за течением всех изменений — значит вычленил столько же фондов, сколько было изменений. Но далеко не все они существенно влияли на процесс фондообразования, хронологический перерыв не обязательно воспринимался архивистом как фактор, разрывающий единство фонда. Наблюдения такого рода легли в основу «признаков границ фондообразователя», которые

²⁷ Речь может идти о формировании коллекций из остатков близких по характеру фондов, из однородных документов, извлекаемых из фондов определенного типа (если из этих фондов на государственное хранение осуществляется выборочный прием документов, например, протоколов заседаний школьных советов), о создании коллекций рукописей, фондовую принадлежность которых установить невозможно, и др.

²⁸ «Протоколы Первого съезда архивных деятелей», стр. 257.

²⁹ Л. Полянская. «Правила определения архивного фонда» и применение их в центральных государственных архивах. «Архивное дело», 1940, № 4.

определяются методом «описания типических ситуаций»³⁰. Это позволяет фиксировать узловые моменты в сфере фондообразования, отвлекаясь от менее важных, не влияющих решительным образом на процесс образования фонда.

Существует еще понятие «границы фонда», отличающееся от понятия «границы фондообразователя». Оно служит для выделения данного фонда из всего объема материала (а не данного фондообразователя из цепи исторических превращений учреждений). «Границы фонда» не всегда совпадают с хронологическими рамками существования фондообразователя. Обычно они уже этих рамок. В архивоведческой литературе понятие «границы фонда» совмещают с понятиями «признак фондообразователя» и «признак границ фондообразователя»³¹. Но это обедняет их архивоведческий смысл и снижает возможности практического оперирования ими. Фондирование всегда связано с историко-учрежденческим исследованием, требует рассмотрения действительного состава фонда и обязательно — архивоведческой интерпретации полученных результатов.

На заре советского архивоведения С. К. Богоявленский отмечал, что если архивный фонд сохранился не целиком и представлен второстепенными материалами, то последние за отсутствием главных приобретают самостоятельное значение, а «не подсобное, как в фондах, сохранившихся целиком»³². Это заключение было подтверждено впоследствии К. Г. Митяевым и легло в основу одного из критериев теории экспертизы — «степень полноты фонда»³³, породив понятие «след фонда», обозначающее крайнюю степень неполноты фонда, наличие лишь фрагментарных его остатков и требующее «не уничтожать последние следы деятельности фондообразователя». Это требование на протяжении ряда лет абсолютизировалось, невзирая на конкретный характер документов, что в известной мере дискредитировало его³⁴. Между тем понятие «след фонда» должно рассматриваться как посылка к рассуждению, имеющая в виду всякий раз самостоятельные решения³⁵. Оно призвано обслуживать теорию экспертизы, но связано и с теорией фондирования, поскольку фрагментарные остатки допустимо включать в коллекции и «объединенные архивные фонды».

В последние годы в частных архивоведческих теориях возникли новые понятия, тесно связанные с основными фондовыми категориями. Так, теории комплектования, экспертизы ценности документов, информационного поиска обогатились понятиями «ранг фондообразователя», «ранг (категория) фонда» и критерием «ранг фонда»³⁶, логически восходящими к представлениям об информационном потенциале фонда и позволя-

³⁰ Например, временное прекращение, а затем возобновление деятельности учреждения (с прежним объемом функций и той же компетенцией) не следует рассматривать как возникновение нового фондообразователя; объединение двух родственных учреждений должно восприниматься архивистами как ликвидация одного из фондообразователей и расширение объема деятельности другого; факт слияния трех и более учреждений является свидетельством прекращения деятельности соответствующих фондообразователей и начала деятельности нового и т. д.

³¹ См. «Теория и практика архивного дела в СССР», стр. 38—43.

³² С. Богоявленский. Работа поверочной и разборочных комиссий. «Архивное дело», 1926, вып. V—VI, стр. 73.

³³ К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. М. 1946, стр. 127.

³⁴ А. В. Елпатьевский, Т. Г. Коленкина, В. В. Цаплин. Научные основы экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов. «Труды Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР». Т. 1, стр. 47.

³⁵ Наиболее явная ситуация, требующая сохранять фрагментарные остатки — «следы» древних фондов. Но по своей природе «след фонда» не хронологическое понятие. К нему всегда необходим широкий ценностный подход.

³⁶ Употребляется другое название этого критерия — «значение учреждения, в деятельности которого образовались документы фонда», но оно не имеет той определенности, которой обладает термин «ранг фонда», позволяющий использовать данные об иерархии фондообразователей и сравнивать сами фонды.

ющими решать вопросы о приеме фондов определенных категорий на постоянное хранение, полноте документов, принимаемых в составе фондов разных рангов, дифференцировать требования к поисковому аппарату фондов. Для теории учета документов можно предложить рабочее понятие «мера упорядоченности фонда» (отношение объема обработанных документов ко всему объему данного фонда).

Компоненты теории фонда — объекты разных уровней абстракции. Они отражают соответствующие реальности архивной информационной среды, всегда могут быть сопоставлены с ними и конкретизируются в ряде понятий, признаков и критериев частных теорий архивоведения. Если к настоящему времени архивоведение составляет достаточно развитую область научного знания, то этим оно в первую очередь обязано наличию теоретических представлений, опирающихся на категории «фонд» и «фондообразователь». Но развитие архивоведения протекало не только в логически последовательной форме. Происходили и существенные изменения теоретической ориентации, связанные именно с основными его постулатами. Питательной средой попыток переориентации явился кризис, охвативший к концу 50-х годов проблематику комплектования и экспертизы ценности документов. Долгое время архивисты как бы не замечали различия информационных потенциалов фондов, руководствуясь презумпцией «равенства фондов на стеллажной полке», согласно которой фонды всех учреждений должны быть представлены в государственных архивах. В конце концов система комплектования, не сочлененная с жестким отбором фондов, «сработала против себя»: в архивы хлынула бумажная лавина, основную часть которой составили малоинформативные фонды «низового звена», что поставило архивистов, казалось бы, в безвыходное положение. Известно, что решение, упорядочившее комплектование, было простым. В государственные архивы стали принимать только ту часть новых документов, которая относится к наиболее ценным фондам.

Соответственно этому архивоведческая терминология пополнилась нормативно введенным новшеством. Единое понятие фонда было расчленено на два как будто самостоятельных. С одной стороны, выделен «документальный фонд», образующийся в деятельности всех учреждений независимо от их положения в системе управления, а с другой — «архивный фонд»³⁷, то есть фонд, хранящийся в государственном архиве. В соответствии с осуществленной реформой комплектования не все «документальные фонды» переходили в разряд «архивных». Часть из них отсекалась. Внимательное рассмотрение показывает, что это терминологическое новшество не изменило теоретического содержания категории «фонд». Было лишь зафиксировано два всегда существовавших этапа в истории самих фондов (до и после поступления их в архив) и дано им название. Эти чисто прикладные понятия, произведенные от теоретической абстракции «фонд»³⁸, выражают организационную сторону дела. Их следовало связать с предшествующим развитием фондовых представлений. Но получилось иначе. Полностью осознав, что презумпция «равенства фондов» и вытекающие из нее установки себя не оправдали, многие архивисты не учитывали того, что борьба с бумажной лавиной была выиграна главным образом благодаря введению критерия «ранг фонда» и установлению круга учреждений, от которых документы в государственные архивы перестали приниматься. Однако критическое отношение к прежнему порядку комплектования вылилось за пределы

³⁷ До этого усеченная и полная формы термина («фонд» и «архивный фонд») применялись равнозначно, причем полная форма в необходимых случаях служила признаком, отличающим архивные фонды от библиотечных, патентных и всяких других.

³⁸ Термин «документальный» в противопоставлении «архивному» неудачен: «документальный фонд» хранится в архиве учреждения, а «архивный фонд» состоит из документов.

осуждения не оправдавшей себя презумпции. Возникли суждения о том, что сами основополагающие нормы архивоведения сковывают творческие возможности архивистов и по существу догматичны. При этом не всегда принималось во внимание, что творческая активность может успешно развиваться только на основе понимания закономерностей, объективно присущих предмету исследования.

В 60-е годы в некоторых работах снова прозвучала критика принципа происхождения, стал отвергаться принцип недробности фонда (признанный бессодержательным); понятие «след фонда» было названо архивоведческим фетишизмом. Наиболее настойчивые попытки предпринимались к ниспровержению фундаментальной категории «фонд». Поскольку «московская формула» исходила из органической закономерности фондообразования и накладывала обязательные ограничения (не дробить и не смешивать фонды), то это воспринималось как правило, обрекающее архивистов на пассивно-созерцательное отношение к фонду. А поэтому и сам процесс складывания фондов в аппаратах управления потребовалось представить не как естественноисторическую закономерность, а в другом свете. Не утруждая себя подысканием аргументов, некоторые архивисты называли этот процесс «механическим», что позволило им в полной мере игнорировать его³⁹.

Архивный фонд не просто обрабатывается в государственном архиве, а создается, в смысле «созидается», им — вот основная мысль, руководившая поисками новых дефиниций. Более того, государственный архив из поступающих в его распоряжение документов волен, утверждалось в одной из работ, создать либо фонды, восходящие к конкретным учреждениям, либо коллекции. Все зависит от того, как, с точки зрения архивиста, исследователю будет удобнее использовать документы. Но поскольку задачи и характер использования документов меняются во времени, то архивист вправе впоследствии раздробить созданный архивный фонд, если это, с его новой точки зрения, будет «удобно» для достижения новых задач. «В результате подобного решения вопроса представление о фонде как объективной реальности, возникающей вне архива, становится неприемлемым»⁴⁰. Перед нами попытка замещения объективного содержания узлового пункта архивоведческого познания утилитарной субъективной конструкции. «Практически полезное» (в том виде, как оно представлялось ее авторам) неправомерно отождествлялось с «истинным». Категория «фонд», перестав отражать объективность процесса фондообразования, лишалась своего свойства быть теоретическим началом архивоведения. Возникла угроза распада самой системы архивоведческого познания.

Однако столь явный утилитаризм не получил широкой поддержки архивистов. На страницах научной печати прозвучала серьезная критика «бесконтрольного и субъективистского подхода» к столь важному вопросу, как определение понятий «архивный фонд» и «недробности фонда»⁴¹. В результате реформаторы понятийного аппарата пошли на существенные уступки. Отказавшись от первоначально задуманного определения архивного фонда как любой совокупности документов, создаваемой в государственном архиве⁴², они возвратились к «московской формуле», утяжелив ее перечислением всяких «значений», которыми

³⁹ З. Е. Калишевич, Л. Н. Кривошеин, Г. К. Фильчагова. К вопросу об архивной терминологии. «Вопросы архивоведения», 1964, № 1; З. Е. Калишевич, И. С. Назин, Л. Л. Смоктунович, Л. Г. Сырченко. Советская архивная терминология. «Советские архивы», 1969, № 1, и др.

⁴⁰ Л. И. Солодовникова, В. В. Цаплин. Указ. соч., стр. 78—79.

⁴¹ К. И. Рудельсон. Указ. соч.; ее же. Советская историография по вопросам классификации архивных документов. «Советские архивы», 1972, № 1; К. Г. Митяев. К методологии классификации и экспертизы документов. «Труды» МГИИИ. Т. 25. 1967.

⁴² «Материалы для архивного словаря». Вып. I, стр. 6.

должны обладать документы фонда: архивный фонд — это комплекс документов «государственного, политического, научного, народнохозяйственного или культурного значения, образовавшихся в результате деятельности определенного учреждения (организации, предприятия) или лица и имеющих между собой исторические связи»⁴³. Налицо уступка историзму. Здесь уже нет утверждения, что архивный фонд создается в государственном архиве.

Однако достаточного анализа проблемы сделано не было, поиски дефиниций осуществлялись вне общеметодологической концепции, и эта уступка не внесла ясности в важные теоретические вопросы: каково с новых позиций соотношение принципа недробимости (его снова восстановили в правах) с фактором происхождения, как связаны понятия «фондообразователь» и «архивный фонд»? Появившееся в 1969 г. разъяснение, что «термин фондообразователь относится теперь в первую очередь к понятию документальный фонд, а не архивный фонд»⁴⁴, оставляло вопрос открытым. В 1970 г. вновь обнаружился «понятийный зигзаг» — нормативно введенное определение «архивный фонд», смазывающее различие между объективно несовместимыми понятиями «фонд» и «коллекция»: архивный фонд — «обособленный комплекс документов, подлежащих государственному хранению, имеющих исторические или логические связи»⁴⁵. «Логическое» (в архивоведческих классификациях — антитеза «исторического») оказалось приравненным к «историческому».

Сложившаяся неопределенность была способна существенно дезориентировать архивистов и настоятельно требовала прояснения. С позиций естественноисторической интерпретации природы фонда это было сделано в докладе Ф. И. Долгих на VII Международном конгрессе архивов в августе 1972 г.: «По системе классификации, принятой в СССР, архивные фонды составляют документы, образующиеся в результате деятельности конкретных учреждений, организаций и предприятий»⁴⁶.

Естественноисторическая интерпретация природы фонда дает целостное восприятие явлений документообразующей сферы, архивной информационно-среды и их теоретической трактовки. Методологическая природа архивоведения воспротивилась искусственным дефинициям, не отвечающим историзму архивоведческого познания. Но сами эти попытки стали возможными и оказали известное влияние на архивоведческую литературу потому, что архивоведение не располагало общей теорией, рассматривающей его понятия и принципы сообразно объективным свойствам предмета отражения, в духе единого методологического объяснения. Критические замечания, содержащиеся в данной статье в адрес неудавшихся попыток переосмыслить содержание основных постулатов архивоведения, не означают требования возвратиться к уже пройденным этапам его развития. Речь идет о том, что углубление и расширение концептуального аппарата архивоведения содержательны лишь на базе этих постулатов, в свете успехов теоретического источниковедения и новейших межнаучных достижений. А это уже иной уровень осмысления. Успехи развития архивоведения определенным образом сказываются на успехах исторических исследований. Концепция теории фонда призвана ориентировать познавательные процессы в области архивоведения и тем облегчить труд историков.

⁴³ «Краткий словарь архивной терминологии». М.-Л. 1968, стр. 12—13.

⁴⁴ З. Е. Калишевич, И. С. Назин, Л. Л. Смоктунович, Л. Г. Сырченко. Указ. соч., стр. 37.

⁴⁵ В. Д. Банасюкевич, А. В. Елпатьевский, А. Н. Образцова, З. Е. Калишевич. Первый стандарт на терминологию делопроизводства и архивного дела. «Советские архивы», 1971, № 5, стр. 50.

⁴⁶ Ф. И. Долгих. Взаимосвязь и преемственность в работе государственных и ведомственных архивов. Материалы к докладу на VII Международном конгрессе архивов. М. 1972, стр. 42.